

японська, латинська, латиноамериканська, персидська, польська, романська, російська, словацька, іспанська, шведська та турецька традиції.) [Routledge Encyclopedia of Translation Studies, p. 295 - 583]. Однак відбір матеріалу, який описує значущі події зумовлений специфікою авторського світогляду і, тому, також не є достатньо об'єктивним.

Таким чином, існуючі теорії-типології перекладацького досвіду базуються на історико-економічних, історико-літературних, історико-географічних критеріях, критеріях «значущості» і перекладацьких стратегій мають певні недоліки, потребують доопрацювання. У перспективі можливим є створення комплексної історичної теорії-типології перекладу, яка б поєднала надбання попередніх запропонованих класифікацій, ґрунтувалася б на їх перевагах і забезпечила б повноцінне моделювання розвитку перекладацької науки.

Література

Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2004. – 544 с. *Комиссаров В.Н.* Общая теория перевода. Учебное пособие. – М.: ЧеРо, Юрайт, 2000. – 136 с. *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* /edited by Baker M. – New York: Routledge, 2001. – 654 p.

КИРИЛЛОВА М.Д., ЯРОВЕНКО Л.С.
(Одесский нац. ун-т им. И.И.Мечникова)

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Translator's individuality is differently revealed at all levels of textual structure. Despite a variety of translator's principles and aims his main purpose is to achieve faithfulness of translation. It means that the translation should be semantic-stylistic and functional correspondence to the original on condition of conveying of its contents.

Key words: *translator's interference, transformation, inversion, explication clause.*

Структурные трансформации составляют органический элемент процесса перевода художественного текста с английского языка на русский. Они затрагивают все ступени организации предложения, включают изменение состава его главных членов, номенклатуру второстепенных, способы усложнения предложения, порядок следования его компонентов и средства связи между ними. Иными словами, структурные несовпадения двух языков являются непосредственным основанием "изменений в составе и организации переводного предложения" [Гарбовский 2004, 124].

Однако, не все структурные изменения, наблюдаемые в переводном предложении, продиктованные его принадлежностью к языку иного строя. Не меньшую (если не большую) роль играют в них факторы не постоянные, а

переменные, т.е. те, которые непосредственно связаны с компетенцией, установками, личностью переводчика. Обладая кругозором, соответствующим двум культурам, переводчик становится тем звеном, через которое происходит "интерактивное взаимодействие культур, которое ведет к сглаживанию различных неравномерностей развития предметных областей" [Семенов 2008, 106]. Поскольку перевод художественного произведения – творческий процесс, естественным является включение в него субъективных факторов, связанных с личностью и собственным творческим потенциалом переводчика, а также с его социо-культурной и лингвистической подготовкой, хронологической, возрастной и историко-географической дистанцией между ним и автором оригинала.

Переводческие операции с распределением информационного потока представляют собой диалектическое единство двух разнонаправленных процессов, и наряду с усечением информации имеет место и ее расширение, связанное с эксплицированием оригинального высказывания. Происходит своего рода компенсация: сокращение одних фрагментов восполняется детализацией других. Последнее всегда связано с расширением и усложнением структуры предложения. Расширение осуществляется прежде всего за счет введения однородных членов:

Her throat felt too sore to speak. (MM)

От слез у нее драло горло и трудно было говорить.

Richard, too saw through her to some doom. (MM)

Вот и Ричард тоже увидел ее насквозь и понял ее обреченность.

Более часто экспликация связана с усложнением структуры. Например, от простого предложения к сложному.

David bit his lips. (MM)

Дэвид закусил губу, чтобы не рассмеяться.

David forgot his cold reception. (MM)

Дэвид уже забыл, что встретил здесь холодный прием.

Наиболее характерный тип структурной трансформации, являющийся результатом эксплицирующей деятельности переводчика – это отражение в поверхностной структуре переводного предложения причинно-следственных, локальных, темпоральных отношений, не выраженных (или неявно выраженных) в оригинале:

There is a kind of life that is peculiar to the land in summer – a wariness, a seasonal equation of well-being and alertness. (MM)

Примета летней жизни здесь – осторожность: зверю ли, птице ли жить и дышать в эту пору – значит, быть начеку.

He had an old and infallible sense of what they were doing and had to do. (MM)

Видел все, что они делают и должны делать, ибо знание ритуала в нем было давнее и безошибочное.

В ряде приведенных примеров имеет место воздействие и системных факторов, но не оно определяет все эксплицируемые отношения между клаузами.

Стремление переводчика разъяснить, раскрыть переводимый текст можно объяснить наиболее частый вид трансформации сложносочиненного предложения – его переход в сложное предложение с сочинением и подчинением. Выражая синтаксические отношения между компонентами с разной предметной отнесенностью, такие предложения служат одной цели: они обогащают содержание высказывания новыми объектами, признаками, суждениями.

He could feel the beat of his heart, and instinctively he drew himself up in the dignity of his age. (MM)

Сердце гулко билось, и бессознательно он приосанился, ибо старости подобает достоинство.

His anxious long stride hurried her past the Popsicle vendors and the tourist buses, and she had no breath for words. (MM)

Он шагал стремительно, широко – мимо торговцев сладостями и автобусов с туристами и, стараясь не отставать, она задыхалась, так что слова не могла вымолвить.

Как видно из примеров, предложения с комбинированными типами связи – сочинением и подчинением – не только фиксируют, но и устанавливают между ними отношения тесной зависимости, что ведет к их более объемной и насыщенной информативности. Переводчик стремится как можно точнее описать и, главное, объяснить чувства, настроения и переживания героев, обеспечивая тем самым нужную коммуникативность предложения.

Под влиянием переводческого восприятия оригинального текста изменяется и порядок следования составляющих сложного предложения.

Strickland himself came in from the garden as David stood at the foot of the stairs uncertain of where breakfast took place. (MM)

Он стоял в нерешительности у подножия лестницы, не зная, куда идти завтракать, а в это время в холл со стороны сада вошел Стрикленд.

I had been in London, where Malcolm was murdered. (MM)

Когда Малькольма убили, я был в Лондоне.

He smiled when I asked him the reason the newspapers suppressed all mention of Malcolm or his case. (MM)

Когда я спросила его, почему вся наша пресса так боится дела Малькольма, он рассмеялся.

Переводческая интерференция становится очевидна при сопоставлении двух переводов одного сложного предложения:

It was known where Strickland was staying. (MS)

Где остановился Стрикленд, было известно. (П)

Теперь уже было известно, где остановился Стрикленд. (Р)

He might have excited sympathy if he had grown worn and thin. (MS)

Если бы он хоть немножко похудел и осунулся, он, наверно, возбуждал бы жалость. (П)

Он мог бы возбудить сочувствие, если бы похудел и немного обтрепался. (Р)

His arms were around me before I knew. (MS)

Сама не знаю, как я впервые очутилась в его объятиях. (П)

Его руки обняли меня раньше, чем я могла опомниться. (Р)

Выше отмечалось, что информационную структуру – структуру содержания высказывания – при переводе следует сохранить. Это значит, что клаузы, выполнявшие в английском сложном предложении функции темы и ремы, должны сохранить эти функции и в русском варианте, иначе содержание высказывания может исказиться.

Перемещение придаточного предложения в большинстве случаев не нарушает его синтаксического статуса, что чрезвычайно важно: подчинение выступает как взаимная зависимость одного компонента сложного предложения от другого. И в плане выражения и в плане содержания главное предложение является господствующим по отношению к придаточному. В смысловом же плане ведущим часто оказывается придаточное предложение, поскольку на его основе может создаваться информация всего сложноподчиненного предложения. Любой зависимый компонент конструкции определяет ее сущность. [Слюсарева 1981]

Конституирующая роль придаточного предложения в сложноподчиненном предложении подкрепляется тем, что сложноподчиненные предложения классифицируются по типу придаточного предложения и по характеру его связи с главным предложением. Структура и семантика главного предложения требуют обязательного восполнения, пояснения придаточным предложением. Функция придаточного в построении сложного предложения как коммуникативной единицы находится в прямой зависимости от синтаксической функции того компонента, к которому относится придаточное. "Придаточные предложения служат для уточнения, конкретизации значения главного предложения или каких-то коммуникативно значимых элементов в его составе". [Шевякова 1994, 93]

Употребительность того или иного типа придаточного предложения, а также его семантика в структуре сложноподчиненного предложения поставлены в зависимость от коммуникативного задания. Коммуникативная нагруженность придаточного предложения довольно разнообразна и обусловлена характером опорного слова. Переводческая заданность этой

трансформации отчетливо видна при сопоставлении двух переводов, в одном из которых оно сохранено вне зависимости от инверсии.

I had learned nothing but theories of life and society that looked all very well on the printed page, but now I had seen life itself. (MS)

До сих пор жизнь и общество были известны мне по книгам, но то, что казалось убедительным и разумным на бумаге, рухнуло при первом же соприкосновении с действительностью. (П)

До сих пор я имела дело только с теориями о жизни и обществе, и все они были очень ясными и удобными на страницах книг. А теперь я увидела настоящую жизнь. (Р)

They were the most hopeless of all I had encountered in my quest. (MS)

Среди тех, с кем столкнули меня мои расследования, эти оказались самыми бесчувственными и зачерствелыми. (П)

Из всех объектов моего обследования они казались самыми безнадежными. (Р)

There was something in that clarion call of his that went to my heart. (MS)

Голос Стрикленда, в котором слышался чистый звон металла, проникал мне в душу. (П)

Было что-то в гордом призывном его голосе, что заставило вздрогнуть мое сердце. (Р)

Важность опорного слова заставляет переводчика вводить его туда, где оно изначально не присутствовало.

He recognizes in himself an artistic satisfaction in the contemplation of evil which a little startles him. (MS)

То артистическое удовольствие, которое он получает от созерцания зла, его самого немного пугает. (П)

Писатель испытывает художественное удовольствие при созерцании зла, и это немного пугает его. (Р)

Инверсия клаузов сложного предложения имеет место и при замене придаточного русским деепричастным оборотом.

He came alongside the girl when the peaty water was round his waist. (MS)

Уже будучи по пояс в воде, поравнялся с девушкой.

I wondered as I proceeded him downstairs what had happened to the little lady in the tea-shop. (MS)

Спускаясь с ним по лестнице, я недоумевал, что случилось с девицей в кафе. (П)

Я с удовольствием спрашивал себя, идя впереди него по лестнице, что же случилось с миленькой леди, служившей раньше в кафе? (Р)

But when at last I met Charles Strickland, it was under circumstances which allowed me to do no more than just make his acquaintance. (MS)

Обстоятельства сложились так, что, встретившись наконец с Чарльзом Стриклендом, я толком не познакомился с ним. (П)

Когда, я, наконец, встретил Чарльза Стрикленда, обстоятельства позволили мне лишь поверхностно познакомиться с ним. (Р)

Развернутость сложного предложения, как было видно из примеров, не имеет прямого отношения у операции инвертирования клаузов, хотя в предложении с многими придаточными вероятность инверсии выше. Это связано с переводческим перераспределением смысловых связей внутри такого предложения, экспликацией одних и затушевыванием других.

Как каждая трансформация, инверсия неизбежно сопровождается большими или меньшими смысловыми сдвигами, что проистекает из самой природы неравноправных отношений главного и придаточного предложений, ибо "сложное предложение – это не просто сумма "двух предикативностей", а некое особое качество, в котором "отношение к действительности" представлено только в главной части, в зависимой же части представлено отношение к этому отношению" [Шевякова 1994, 53].

Изложенное свидетельствует, что переводческая традиция учитывает неравнозначность составляющих сложного предложения и стремится сохранить ее в переводе, даже при инверсии клаузов. Сама инверсия при этом – явление целиком зависящее от переводческой индивидуальности и связанное с индивидуальной оценкой важности информации, которую несет главное и придаточное предложения. Иными словами, а основе операции инвертирования лежат те же экспликационные переводческие установки. Отсюда – повсеместная экспликационная деятельность переводчиков, раскрывающих, уточняющих, объясняющих оригинальный текст.

Литература

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 2004. – 544 с. *Семенов А.Л.* Основы общей теории перевода и переводческой деятельности. – М.: Изд. центр "Академия", 2008. – 160 с. *Слюсарева Н.А.* Проблемы функциональности синтаксиса современного английского языка. – М.: Наука, 1981. – 205 с. *Шевякова В.Е.* Актуальное членение предложения. – М.: Наука, 1994. – 136 с. *Maughan S.* The Moon and Sixpence. – Moscow: Progress Publishers, 1972. – 222 p. *Мозэм С.* Луна и грош. – Л.: Худ.литра, 1970. – 190 с. (Перевод с английского Н.Ман) (П). *Могэм В.С.* Луна и шестипенсовик. – Л., 1938. – 263 с. (Перевод с англ. З.А.Вершининой) (Р). *Updike J.* Marry me. – New York: Alfred A.Knopf, 1976. – 303 p. *Андайк Дж.* Давай поженимся. Пер. с англ. Т.Кудрявцевой.